

Такой подход дал возможность посмотреть на «не-предложения» (каковыми являются СНВ) в системе – по отношению к языковой и коммуникативной нормам. Раскрывая системную ненормативность исследуемых единиц, мы показали одновременно действие коммуникативных норм, позволяющих данным высказываниям функционировать как единицам общения.

СНВ по-разному ведут себя в плане событийной номинации: они не способны к языковой номинации, но способны к речевой. Несмотря на то, что некоторые из СНВ не являются номинативными единицами, они, тем не менее, осуществляют референцию к ситуации, которую должны обозначать. В таких случаях референция уточняется за счет когнитивных, визуальных и паралингвистических средств. Именно эта специфика определяет коммуникативность СНВ.

В прагматическом плане определяющей служит не языковая правильность анализируемых единиц, а их воздействующая функция, направленная на получение запланированного эффекта. Адекватность последнего коммуникативной установке говорящего – воздействовать «недоговоренностью» – также свидетельствует о наличии коммуникативного результата. Нормативность СНВ определяется, таким образом, эффективностью их функционирования в конкретной ситуации общения. *Коммуникативно-нормативными* следует признать преднамеренно-незавершенные СНВ, референция которых правильно декодируется адресатом и сопровождается адекватной коммуникативной установкой говорящего. *Коммуникативно-ненормативными* в этой связи становятся те СНВ, использование которых ведет к различным нарушениям речевой ситуации (например, к проявлению незапланированного перлокутивного эффекта), или же СНВ, утрачивающие коммуникативную функцию в силу своей неинформативности.

Таким образом, СНВ можно квалифицировать как «не-предложение» (оно не соответствует системным нормам языка), коммуникативно-релевантную или коммуникативно-нерелевантную, прагматически отмеченную единицу синтаксиса разговорной речи.

An incomplete utterance can be structurally qualified as “non-utterance” (it doesn't correspond to the system language norms). But this is a communicatively relevant (or communicatively irrelevant) item of spoken language syntax which has its pragmatic purpose.

А. В. Темнохуд
(Минск, Беларусь)

НАРУШЕНИЕ СИСТЕМНЫХ ПРАВИЛ КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА

Языковая игра представляет собой языковую аномалию – нарушение однозначности, одного из основных принципов коммуникации. Закономерность игры со словом состоит

в том, что она использует скрытые резервы, свойства языка, способные обыгрывать различного рода отклонения: не разрушая системы языка, она становится одним из проявлений гибкости этой системы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *языковая игра, говорящий субъект, нарушение системных правил, аномалия, самовыражение, целенаправленность.*

Человек не отделим от речевой деятельности: он общается каждый день в разных жизненно необходимых сферах – личных, общественных; коммуникация – одна из основных форм его жизни. Высказывание направлено на то, чтобы что-то сообщить, выразить чувства, отношение или побудить собеседника к определенным действиям, вызвать у него ожидаемую реакцию. Говорящий субъект, имея свою коммуникативную установку, использует те языковые средства и правила, которые способствуют выражению его намерения и адекватному восприятию его адресатом.

Основополагающим условием языковой людической деятельности становится, прежде всего, *нарушение системных правил*. Говорящий, испытывая потребность в творческом самовыражении и/или стремясь привлечь внимание к своему высказыванию, намеренно нарушает привычное воспроизведение знака, используя языковые средства нестандартным образом, что и порождает эффект игры [1, с. 10]. Ср.:

Lorsque Alphonse Allais était jeune journaliste, il avait l'habitude de venir voir chaque mois le caissier du journal et de lui dire:

– *Bonjour, je viens toucher mon appointement.*

Après quelques mois, le caissier ne put s'empêcher de lui faire remarquer qu'on devait dire mes appointements.

– *Oui, c'est vrai! répondit Allais, mais je ne vais tout de même pas **déranger le pluriel** pour si peu de choses!* (F. Caradec).

‘Когда Альфонс Алле был начинающим журналистом, он, как обычно, приходил раз в месяц к бухгалтеру газеты и говорил ему:

– Здравствуйте, я пришел получить «мою денежку».

Спустя несколько месяцев бухгалтер не выдержал и сделал ему замечание о том, что следует говорить «мои деньги».

– Да, это так! – ответил Алле, – но мне не хотелось бы тревожить множественное число по такому пустяку!»

В высказывании *Bonjour, je viens toucher mon appointement* А. Алле намеренно использует существительное *mon appointement* в единственном числе, зная, что это нарушение языковой нормы (*les appointements* ‘жалование’, ‘зарплата’) используется во французском языке только во множественном числе) [2]. Сознательно совершенная грамматическая ошибка свидетельствует о ее целевой направленности, а результатом становится игра слов: *Mais je ne vais tout de même pas **déranger le pluriel** pour si peu de choses!*. Глагол *déranger*, обычно требующий употребления одушевленного имени

существительного, используется в сочетании с неодушевленным *le pluriel*, который как грамматический термин (множественное число) в данной речевой ситуации обозначает ‘много’, ‘большое количество’ (денег), ‘большой размер зарплаты’. Истинный смысл высказывания: ‘Моя зарплата настолько мала, что не заслуживает даже называться словом во множественном числе’.

Одновременно говорящий субъект реализует свою речетворческую свободу как «процесс обнаружения потенциальных возможностей языка, не реализованных в узусе и норме», представляющий собой языковую игру – один из способов проявления в речевой деятельности интеллектуальной активности и «индивидуальности языковой личности» [3, с. 3].

Закономерность игры со словом состоит в том, что она использует скрытые резервы, свойства языка, способные обыгрывать различного рода отклонения. Язык, при всей его упорядоченности, – весьма своеобразная система, сложная, «мягкая» и в некоторой степени противоречивая. А языковая игра эти противоречия использует и делает их явными.

В любой игре, проходящей по абсолютно обязательным и добровольно принятым правилам, намеренное или случайное нарушение последних неизбежно приводит к конфликту и наказанию. В игре со словом намеренное или случайное нарушение языковых правил есть норма, допускающая два пути разрешения «конflikта» – *положительный* и *отрицательный*. Не разрушая системы языка, языковая игра становится одним из проявлений гибкости этой системы – смысловой двойственности иной, чем смысловое единство игрового контекста, семантико-синтаксическая организация которого соответствует языковым нормам [4, с. 6].

Системные правила, предписания и их нарушение (в отличие от правил дорожного движения, например, где все ясно: или нарушил или нет) в языке не так однозначны и строги, свидетельством чему является наличие множества исключений. К тому же отдельные правила в языке носят лишь рекомендательный характер. «Как будто для высказывания существует понятие “правильности” и “неправильности”, как будто этим предрассудком должен руководствоваться в своей работе лингвист, и было бы весьма странно, если бы разговорный язык не обладал бы особым способом» [5, с. 352]. Инициатор языковой игры имеет право выбора и часто выбирает не самый простой вариант, а «особый способ» выражения смысла.

Нарушение правил, которое совершает говорящий субъект с определенной целью, ненаказуемо и не отслеживается институтом судейства, как это имеет место в общекультурной (двигательной) игре. Его нарушение – целенаправленное: «В ситуации, когда нарушить правило “нельзя, но очень хочется” ... говорящий делает это, когда ему нужно не столько сообщить что-то другому человеку, сколько обратить на себя внимание, произвести эффект, “поиграть” словом» [6, с. 4].

В какой-то степени нестандартность образа мышления позволяет отнести языковую игру к языковой аномалии – нарушению однозначности,

одного из основных принципов коммуникации. Языковая игра сама по себе представляет своеобразное «поле самовыражения» для ее инициатора, служит средством проявления индивидуальных черт личности адресанта, среди которых особое место отводится остроумию, чувству юмора, находчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сопова, Т. Г.* Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. Г. Сопова; Ин-т лингвист. исследований РАН. – СПб., 2007. – 22 с.
2. *Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française.* – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.
3. *Янченкова, И. С.* Адресованность в языковой игре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. С. Янченкова; Камчат. гос. ун-т им. Витуса Беринга. – М., 2006. – 20 с.
4. *Щетинкин, В. Е.* Двусмысленность как лингвистическое явление / В. Е. Щетинкин // Проблема слова и словосочетания: межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена; редкол.: Р. Г. Пиотровский (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1980. – С. 5 – 13.
5. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Иностр. лит., 1961. – 394 с.
6. *Норман, Б. Ю.* Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 344 с.

Language game is a language anomaly – a violation of uniqueness, one of the basic principles of communication. The regularity of the game with the word is that it uses hidden reserves, the properties of the language, capable of playing out various kinds of deviations: without destroying the language system, language play becomes one of the manifestations of the flexibility of this system.

В. В. Устинович
(Минск, Беларусь)

О ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ФРАНЦУЗСКИХ УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ТОПИКАЛИЗОВАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

До настоящего времени во французском языке не существует единого подхода к пониманию коммуникативного статуса и функции синтаксических структур с вынесенным влево элементом. Кроме того, остается нерешенным вопрос о свойстве таких синтаксических структур привносить дополнительные коннотации в коммуникативную структуру. Представляется, что просодические средства помогают определить коммуникативный статус элемента, а также наличие или отсутствие маркированности коммуникативной структуры.

Ключевые слова: коммуникативная структура, антиципация, ядро, тема, рема, степень активированности.

Одной из особенностей современной французской спонтанной речи является достаточно частотное употребление так называемых расчлененных